

ТРЕХУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д. Н. Шульгина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 марта 2010 г.

Аннотация: *предлагается трехуровневая модель идентичности. Анализируется процесс формирования личностной, социальной и культурной идентичностей под углом зрения социальной феноменологии.*

Ключевые слова: *Я, самость, идентичность, личностная идентичность, социальная идентичность, культурная идентичность, «значимые другие», «обобщенный другой».*

Abstract: *the article offers a three-level model of identity. The author analyzes the formation of personal, social and cultural identity from the perspective of social phenomenology.*

Key words: *Ego, self, identity, personal identity, social identity, cultural identity, «significant others», «generalised another».*

В современных условиях нарастающих процессов глобализации резко обострилась проблема идентичности. Значительные изменения в социокультурной сфере выдвинули на первый план исследований проблему анализа структуры и механизмов формирования идентичности на всех ее уровнях (личностном, социальном, культурном).

Существующие подходы к проблеме идентичности (самости) позволяют вычленив несколько узловых моментов, намечающих вектор определения данной проблематики. Первый момент намечается в новоевропейской философской традиции, где вопрос о самости человека рассматривается в контексте проблемы становления человека как вопрос о сущности человека – эссенциалистская традиция (Дж. Локк, Г. Фихте, Г. Гегель). Человек в сущностных границах своего бытия уже определен, важно лишь через разум прийти к предельным основаниям собственной самости. При выявлении фундаментальных оснований человеческого бытия, установлением сущностных границ между «Я» и «не-Я» человеку приписывались те или иные субстанциональные (онтологические) характеристики (душа, абсолют, сознание), которые давали устойчивый идентификационный критерий определения человека.

С позиций метафизически-субстанциальной, или субстанциальной, концепции высшая самость заложена в человеке изначально, а не является только добавочным результатом социализации или общественной обусловленности. Принцип тождества, проходящий через ткань классической философской мысли, всегда подразумевал сведение всего многообразия к единому непротиворечивому целому. Интерпретация «Я» личности как тождественного себе

самому указывает на стремление сгладить противоречия, несоответствия внутри личности и тем самым представить самость человека как метафизический конструкт. Руководящий принцип тождества классиков философской мысли, существующий в качестве единственного мерила, который не может быть подвергнут сомнению, обозначал, в свою очередь, и ограниченность такого подхода к проблеме самости личности. Гипертрофированная субъективность обесценила другие сферы бытия: природу, культуру и интересующий мир.

Уже в философских разработках Г. Марсея, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, П. Рикера указывается, что человек никогда не дан себе в абсолютной целостности, а ощущение самого себя существует прежде всякой рефлексии. Не всеобщий разум и не тождественное сознание, а Другой (и отклик на ситуацию взаимодействия с ним) кладется в основу их концепции самости. Я обнаруживает свою идентичность только в сопоставлении себя с Другим. Ведь чувство личностной идентичности основано, с одной стороны, на восприятии себя как тождественного самому себе, а с другой – на осознании того факта, что Я отличаюсь от Другого.

Здесь завязывается другой узловый момент рассмотрения вопроса об идентичности человека, соединенный с проблемой Другого. Считается, что впервые в философски релевантном плане эта проблематика разрабатывается Дж. Мидом и Г. Кули – представителями «символического интеракционизма».

Дж. Мидом была развита и систематизирована теория зеркального Я – одна из первых концепций личности, исходившая не из внутренних характеристик человека, а из признания решающей роли взаимодействия индивидов. Согласно взглядам Дж. Мида, Я появляется тогда, когда человеческий индивид

становится объектом для самого себя. Человек только и может стать подлинным человеком, «самостью», или Я, когда он начинает относиться к себе как к объекту. Но человек становится объектом для самого себя лишь тогда, когда он начинает относиться к себе так, как к нему относятся другие люди, т.е. тогда, когда он воспринимает, усваивает и воспроизводит отношение к себе других людей.

Уже на самом первом этапе формирования «Я» (первичной социализации) в него вписано отношение с «другими». Нулевой точкой отсчета формирования идентичности является восприятие жизненного мира сквозь «призму» пусть «значимых», но «других». По мере осваивания и обживания социального пространства «значимые другие» в процессе вторичной социализации сменяются «обобщенным другим» (социальные институты, легитимированные нормы и ценности общества, многочисленные социальные интеракции с людьми), которые выбираются самим человеком. «Обобщенный другой» представляет важнейший этап превращения индивида в рефлексирующее Я, которое включает: 1) представления о том, «каким я кажусь другому человеку»; 2) представление о том, «как этот другой оценивает мой образ»; 3) вытекающее из этого специфическое «чувство Я». Все это складывается в чувство личной определенности человека – «зеркальное Я». Все время происходит постановка себя на место Другого, сопровождающаяся внутренним диалогом: «что было бы, если бы...». Я выступает синтезом социального и индивидуального в человеке, гарантом и одновременно итогом его «интеракций» с социальной средой. Таким образом, идентичность и интеракция постоянно переходят друг в друга.

Как пишет немецкий философ Ю. Хабермас, идентичность личности формируется посредством самоидентификации, получившей интерсубъективное признание. Символическое единство личности основано на принадлежности к символической реальности группы, т.е. отличие себя от других должно быть признано этими другими. Как пример, Хабермас приводит этапы взросления человека: ребенок, приобретает «естественную идентичность» (выделение своего тела из среды), взрослея, усваивает символическую общность ролей в семье и ее социальном окружении, а позже нормы поведения в более широких социальных группах, где «естественная идентичность» сменяется символически подкрепленной «ролевой» идентичностью. У взрослого человека формируются стабильность поведенческих ожиданий и рефлексивное отношение к себе самому с целью понимания себя: «я как лицо вообще равно всем другим лицам, но как индивидуум абсолютно отлично от всех других индивидуумов. Я есть абсолютная всеобщность и столь же непосредственно абсолютная индивидуализация» [1; с. 14].

Идентичность конструируется на границе двух взаимоопределяющих ее состояний: консенсуса и конфронтации. В данном случае если консенсус выявляет в личности то, что объединяет ее с другими, делает похожей на них, то конфронтация, наоборот, обостряет ощущение личностных границ, индивидуальной специфичности, несхожести с «другим». Таким образом, идентичность всегда балансирует между фантомом нормальности («быть таким, как все») и фантомом уникальности («быть не таким, как все»). Я-идентичность возникает в балансе между личностной и социальной идентичностью, где личностная идентичность обеспечивает связность истории жизни человека, а социальная идентичность обеспечивает возможность выполнять различные требования всех ролевых систем, к которым принадлежит человек. При этом заметим, что идентичность всегда относится к личности, а личность изначально включена в систему определенных социальных отношений, поэтому термин «социальная идентичность» указывает лишь на новый уровень идентификации личности, входящей в структурную составляющую персональной идентичности.

Безусловно, человек не сводится к системе ролей, но в процессе принятия социальной роли (отца, тренера, юриста, студента) «индивид обретает не личную, биографическую идентичность, а некое местечко в существующей социальной категоризации, т.е. социальную идентичность, и только через нее частицу личной идентичности» [2, с. 368]. Это не означает, что ход социализации действует однонаправленно на индивида, и он не способен выстраивать личную систему ценностей, приоритетов, жизненно важных ориентаций в мире. Каждая индивидуальная биография – это неповторимая траектория жизненного пути в неумных поисках самого себя.

Специфически личностную конфигурацию персонального наличного знания человека составляет накопленный личный опыт, порядок его седиментации во времени и интенсивность его личностного освоения-проживания. Человек всегда воспринимает любую жизненную ситуацию в свете личного опыта. Проживаемая индивидуальная ситуация невыразима в значениях социального опыта и имеет глубоко личностный, интимный уровень переживания (душевная боль, переживание собственной телесности, любовные чувства, ощущение утраты близкого человека). Именно особый порядок осадения (седиментации) личностного опыта и интенсивность его во времени образуют когнитивную основу персональной идентификации человека («биографически-детерминированная ситуация человека в мире», по А. Шюцу).

Конструирование такого жизненно уникального мира личности возможно только в рамках собствен-

ной культуры. Как верно отмечает В. Н. Порус, «культура – это горизонт универсальных ценностей, выступающих ориентирами личного и общественного поведения, отношения к миру, к людям, к самому себе, и вместе с тем, границы, которые нельзя преступить, не оказавшись в тяжком конфликте с самим собой» [3, с. 411].

Каждый человек имеет внутри себя как часть своей собственной личности упорядоченную систему ценностных ориентаций, предпочтений, закладываемую в процессе социализации и инкультурации. Сознвая или не осознавая, человек может существовать и воспроизводить свою личностную идентичность, лишь соотнося себя с ценностями, как «своими ценностями». Полное понимание личности требует широкой концептуализации контекста, выходящего за рамки непосредственной социальной ситуации (ситуация «лицом-к-лицу» в символическом интеракционизме), включающего всю полноту исторических и культурных предпосылок. Поэтому куль-

турная идентичность выступает этим широким контекстом личностного развития, так как разделение с членами собственного культурного сообщества единого языка, общих ценностных установок, паттернов поведения, ментальных программ действий, традиций, культурных норм, морали и обычаев включает личность в институционализированный символический порядок, делая носителем и медиатором надличностных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности : философские и политические статьи / Ю. Хабермас. – Донецк : Донбасс, 1999. – 415 с.
2. *Гофман И.* Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М. : Институт социологии РАН, 2003. – 750 с.
3. *Порус В. Н.* У края культуры : (философские очерки) / В. Н. Порус. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 464 с.

Воронежский государственный университет

Шульгина Д. Н., аспирантка факультета философии и психологии кафедры онтологии и теории познания

*E-mail: dina_chul_07@mail.ru
Тел.: (4732) 55-08-57*

Voronezh State University

Shulgina D. N., Post-graduate Student, Faculty of Philosophy and Psychology, Department of Ontology and Epistemology

*E-mail: dina_chul_07@mail.ru
Tel.: (4732) 55-08-57*